

Дмитрий Миронов

Канатоходец

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Миронов

Канатоходец

«Автор»

2019

Миронов Д.

Канатоходец / Д. Миронов — «Автор», 2019

Безумная и малоправдоподобная история. События начала 90-х годов: стрельба, резня и кровавые реки - воспоминания человека из той эпохи, – все это в голове едва совершеннолетней девчонки, рожденной в 21 веке. Пока только фрагментами, но это прогрессирует, и она еще узнает себя в зеркале. А тот, чью память она украла, не простит, и он уже где-то рядом...Содержит нецензурную брань.

© Миронов Д., 2019

© Автор, 2019

Дмитрий Миронов

Канатоходец

Я люблю смотреть, как на разных берегах проспекта скапливаются войска. Вспыхивает зеленый свет и две людских стены вот-вот встретятся лбами... но, они даже не задевают друг друга, рассеиваются по тротуарам, скачут дальше по своим делам. Троллейбус, вижу его спину, и то место, откуда растут рога, сейчас харкнет электричеством на перекрестке, озарит все углы моей крошечной кухни на последнем этаже. Еще темно, утро. Универсам на углу, зажигается неоновым пунктиром свет в витринах – Лена пришла. Потом кассирши – Роза, Люба, Рая друг за другом сворачивают в подворотню, служебный вход с эстакады. Пора и мне.

Блевань – это все покупатели: старухи, дети, мужики, красавицы, кто бы ни был, это все называется одним словом – блевань, жижа из одинаковых лиц, лягушачья икра.

Мой напарник совсем молодой, постоянно опаздывает.

– Я же интернетзависимый...

Начинает мне запрашивать про какие-то биткоины, бинарные опционы, нижняя губа блестит, сейчас оттуда потечет. Я убегаю на эстакаду, меня вызывают электрическим звонком на весь магазин – машина. Хлеб, молоко, колбаса, снова хлеб, машина за машиной.

Во дворе напротив нас кухня ресторана – красавицы в марлевых колпаках улыбаются. Желтые листья падают, их несет ветром с Юсуповского сада, в нашем колодце нет деревьев одни автомобили, до последних этажей офисы, офисы, офисы за амбразурами стеклопакетов.

В шесть вечера эстакада закрывается, мы с напарником расставляем товар по полкам. В девять часов пора и мне, прощаюсь, охранник проверяет мою сумку.

Родная парадная напротив, но переходить проспект надо левее, где светофор, который всю ночь целует желтым светом потолок моей кухни.

Хлопает дверь, замерев, слушаю, как она звенит несколько секунд. Еще один день на помойку забвения.

Я очень замерзаю на работе. Погружаюсь в ванну с горячей водой. Черная дыра вентиляции под потолком, неповторимый узор слуховых галлюцинаций, шепот толпы, звон посуды на кухне ресторана "Тройка". Маленький, черный телефон всегда рядом, жму на кнопки, дрожащий голос одного мистического человека...

Все началось весной, с первых дней апреля я живу далеко от города, час на электричке. Дом летний – комната и кухня, чердак набитый огородным хламом, туалет во дворе, жирная береза у крыльца. Хозяева на другом краю поселка в пятиэтажке.

В комнате "буржуйка" греет сразу, потом я включаю электрическую печку. Кровать у окна и еще одна за шкафом, сервант с ненужной посудой – горы тарелок, сервизы, охалки вилки, ложек, ножей. Тумбочка с книгами, стол и стул. За окном забор, канава и поле до самого леса. На кухне холодильник, электрическая плитка, две табуретки, тазик под умывальником, полочка с зеркалом и мыльницей. Ничего лишнего.

В первый же день, как приехал, скинул вещи и сразу в местный супермаркет у станции. Как обычно много народу, здесь почему-то всегда одна кассирша. Главное – что бы впереди не было цыганок. Мне не повезло:

– Дочка, дай мне еще блок "Оптимы", ой нет у меня только на две пачки. Хотя, погоди, возьму. И шоколадку, и сок вот этот... Ох, лавэ нанэ! Прости, дочка, отложи, вечером приду. Хотя, стой...

И так далее. Очередь уже человек десять. Скрипнула кожаная куртка, я обернулся.

– Извините...

– Да, ничего, – говорю.

Когда забирал сдачу, обернулся еще раз, девчонка симпатичная, я ее заметил, как только вошел в магазин, она сидела на подоконнике рядом с камерами хранения. Кожаная куртка на молнии, вязаная шапочка, джинсы, ботинки, в корзине пакетик сока...

Дома не успел раздеться, слышу, калитка хлопнула, шаги. Распахнул дверь настежь.

– Извините, у меня есть деньги, я заплачу, сколько скажете. Думала тут никого, я жила здесь раньше. Мне некуда идти.

Она выдохнула залпом эти слова и села на табуретку, рюкзак упал на пол. Хуяссе...

– Иди в комнату.

Я стал хлопать крышками по кастрюлям в поисках еды. Осталась вареная гречка, пожарю ей с колбасой. Включил чайник.

Она сидела на кровати.

– Один момент.

Сдвинул бутылки на край стола. Включил музыку в планшете. Ни о чем не спрашивал, она тоже молчала. Ушел на кухню, вернулся – спит, так и не сняла ни куртки, ни ботинок. Укрыл ее одеялом, выключил свет и лег на кровать за шкафом.

Утром затопил "буржуйку", сходил за водой, гостя не открывала глаз. Кружка с водой на столе, еда в сковородке все готово, только просыпайся. Слышал, ночью она выбегала во двор, на полу нашел две бумажки по пятьсот рублей, словно перья встревоженной птицы. И я во второй раз сказал – хуяссе...

– Вставай, хорош уже.

– Я давно не сплю.

– Как зовут-то?

Тишина, будто вспоминала.

– Рида... Апчхи!

– Рида? Будь здорова.

– Рита. Как жарко, вся мокрая...

– Я воды нагрел, вот ковшик, тазик и мыло, сам так моюсь.

– Подожди, я сейчас.

Схватила рюкзак и ушла. Ее долго не было, я даже сожрал котлеты, что пожарил для нее. Вернулась с двумя пакетами, сначала выложила на стол продукты: заморские салями, сыры, салаты в коробочках, связку пива, хлеб самый дорогой и литр "Ред лейбл"

– Это тебе.

– Что?..

– В "Окей" ездила.

– Это же миллион километров отсюда!

– На такси туда и обратно.

Из второго пакета: новые джинсы, теплую рубашку, пару футболок, пакетик с трусами, шампунь и резиновые сапоги, розовые в лягушатах.

– Ладно, – говорю, – пойду, погуляю.

– Ага.

Я взял бутылку, подкову колбасы и вышел на улицу.

Проснулся поздно вечером, на столе порядок, теперь меня ждала на столе еда, Рита сидела в углу кровати.

– Привет...

– Слушай, если хочешь, живи, но я сплю здесь, это моя кровать, я люблю просыпаться и смотреть в окно. Иди за шкаф.

Включил планшет и напялил наушники, что бы ни слышать, как она раздевается.

– Там темно и страшно, что ты смотришь, можно?

Идеальный женский силуэт на фоне звезд...

– Можно, – говорю, – но я за себя не отвечаю.

Легла рядом, обожгла голым плечом, ее холодный нос на моей груди. Судорогой счастья свело от губ и до коленок, руки быстро нашли все что нужно...

– От кого бежишь?

Молчит.

– У тебя столько денег.

– Не так много на самом деле, продала кое-что.

Луна окрасила серебрянкой предметы на столе – пивные банки, кружки, недоеденные салаты в пластиковых коробках...

– А ты? Почему ты один?

И я стал говорить, говорил до утра, потом весь день. Я долго ни с кем, ни общался вот так, как с близким человеком.

Каждое утро мы гуляли, видели, как меняется природа, птицы сходят с ума в лесу, шуршат ручьи с оттаявшими берегами, превращаются в речки.

Рита ничего не боялась, то есть не оборачивалась на внезапные шумы на улице. Была спокойна абсолютно, люди, которые прячутся, так себя не ведут. Телефон ее никогда не звонил. Старый кнопочный мобильник без интернета.

– Ты с какой планеты, зачем прилетела?

Она смеялась.

– Рассказывать особо и нечего, мало прожила...

– Говорила, была здесь когда-то.

– Не помню, может, была, а может, приснилось...

– Не хочешь, не говори.

– Обиделся?

– Да, ну. А у тебя хорошо получается.

Я смотрел, как Рита рисует на запотевшем окне. Скала, человек с удочкой на краю обрыва, линия горизонта, чайки. Скала большая, рыбак крошечный, леска длинная.

– Что это?

– Португалия.

Рита рисовала часто, у нее в рюкзаке были блокноты и сноп авторучек. Обычно это был город. Полукруги подворотен, зигзаги крыш. Ни людей, ни машин, как в мультфильмах.

– Тебе нравится?

– Даже очень.

– На...

А вот это было реально красиво. Озеро в лесу, луна на небе и в озере. Кентавры, две особи, мужчина и женщина, идеальные лошадиные формы. Они смотрели друг на друга, по их взглядам все понятно, что будет дальше, через минуту...

– Листай дальше.

– Ух!

Полотно на две страницы, узнаваемые очертания Невского проспекта, Адмиралтейство, Дом книги. Разбегающаяся в разные стороны толпа, ужас, смятение, конец света короче. На несчастных людей падает с неба неведомая хрень, огромная как дирижабль. Очертания адского объекта показались знакомыми, но я не осмелился предположить.

– Это хуй, – спокойно сказала Рита, – чего ржешь? Мне было не смешно.

Следующие страницы были исписаны мелким почерком.

– Каракули какие-то...

– Дай сюда.

Рита села по-турецки, минуту смотрела в раскрытый блокнот, стала читать.

– Ехала на метро и поезд остановился в тоннеле, где-то вдали громыхнуло. И стало тихо, истерически тихо, знаешь, так бывает. Двери открылись, пахло сырой землей, появился человек в фуражке, он крикнул:

– Все за мной!

Народу было мало, в некоторых вагонах вообще никого. Из темного туннеля, свернули в более-менее освещенный коридор. Еще через несколько поворотов машинист впустил нас в небольшой зал, типа маленького кафе.

– Посидите здесь, пока не разгребем завал.

Одна баба юрист, она знала наши права, сказала:

– Мы пережили стресс, у вас должен быть штатный рэпер.

Машинист постучал в дверь посреди сцены.

– Саша, вставай. Группа.

Послышалось сонное:

– Бля...

На сцену вышел молодой человек в кожаной жилетке на голом туловище, в милицейских галифе и пляжных тапках. Запел, стал танцевать. Хоп на шпагат. Мы аплодировали, настроение действительно улучшилось.

Потом он устал и говорит.

– Сейчас вам исполню кое-что свое!

Убежал за кулисы, выволок на сцену барабаны. Сел на стульчик, царапнул палочкой по тарелкам, потом короткая дробь:

– Слушайте.

Бумс – ту-тумс. Бумс – ту-тумс!

– Уважаемая корова, скажите, пожалуйста!..

Поет и подмигивает сучонок. Песню не помню, мне не давал покоя гул где-то прямо над нами, там высоко на земле. Я подняла руку, машинист сидел на стульчике рядом со сценой, наблюдал за нами, он кивнул:

– Давай, недолго.

Я пошла типа искать туалет. В коридоре шум еще отчетливее, маленькая железная лесенка наверх. Ступеньки закончились, я оказалась непонятно где в полумраке. Ну и пошла по стеночке. Коридор становился шире и светлее, все чаще попадались навстречу люди в спортивных костюмах. Это был стадион и футбольное поле такое большое, что игроков еле видно на горизонте. Смотрю, у ворот деревенский сортир. Никто на меня не обращал внимания, я спокойно прошла сквозь оцепление. Это была вратарская будка, по новым правилам. В будке уютно: стол, стульчик, зеркало. Булькал в кружке кипятильник, хлеб, колбаска порезана, сахарок в банке. В окошко можно наблюдать за игрой. Наверное, парня отвлекли, когда он только собирался перекусить. Я выдернула кипятильник из розетки. Шаги...

Вратарь пришел, весь мокрый и чумазый.

– Ты кто?

– Я из метро, там авария.

– А-а.

Он кинул в кружку заварки, посмотрел в окно.

– Будешь, чай?

– Да, не...

Завалился на шконку.

– Чо-та, заебало все.

Я не успела ничего спросить...

Ба-бах!

Мяч жажнул по стене! Футболист убежал, я к окошку. Куча-мала, мордобой, визг, вой с трибун неимоверный!

– Го-о-о-олллл!!!

Я зажала уши. Ор прекратился, перерыв, народ шатался по полю, бегали «мушкетеры» с носилками, кто-то пинал мячик, играла музыка.

– Ты где шляешься, сука!

Сразу поняла, что это мне. Машинист приближался, он замахнулся и ударил. В общем, очнулась в метро. Одна. Поезд, мягко покачиваясь, на огромной скорости летел посреди красивого, рыжего поля, солнце в перистых облаках будто раскинуло свои оранжевые руки, пытаясь обнять земной шарик. Ну, мне так казалось. Отгрохотал мост, мелькнула речка, обросшая кустами по берегам. Снова поле, шоссе, полосатый шлагбаум, человек с флажком. Просыпаюсь, как дома на диване, вытянув ноги. Народу тьма. Я села, места рядом сразу заняли. Притворилась, что опять сплю.

Разбудила женщина в фуражке.

– Поезд дальше не пойдет. Выходим из вагона.

Это была станция «Площадь Восстания», господи, и здесь людей видимо-невидимо. С толпой пошагала по Невскому. Было, наверное, совсем поздно, черное небо, ярко горела реклама. Люди плотным строем шли по проезжей части, и все в одном направлении, как на салют, в сторону Дворцовой площади. Мне-то на Владимирский надо, но за «Маяковской» стало так плотно, что протиснуться никакой возможности. Все пиздели про какой-то аттракцион. Я спросила у кого-то:

– Что вот это все?

– Идем на грандиозный аттракцион.

– Какой?

– Никто ничего не знает, но говорят, будет просто пиздец!

Там, далеко у Адмиралтейства, мощные прожекторы резали лучами ночное небо. В домах, что по проспекту, во всех окнах горел свет. Люди были и на балконах, они стояли, вцепившись в перила, пили из бутылочек, махали толпе руками.

У «Дома Книги» затор, ни фи́га не видно, лишь море голов. Впереди орали команды, выли дети, меня прижало к спине какого-то мужика. Неожиданно – цепь охранников, проверяющая билеты. Проверяли выборочно, у всех невозможно. Опа, Сашка репер! В своей жилетке и галифе, оскалив зубы, в бешеном темпе рвал пополам бумажные квадратики. Я, чтобы меня не снесло потоком мимо, вывернулась и прислонилась спиной к его спине. Он такой:

– И ты туда же!

– Я случайно, а что будет, не знаешь?

– Не знаю! Что-то супер грандиозное, рекламу, что ли не видела?

– Не видела, – говорю.

– А ебнуть есть?

Он метнул взгляд на своего коллегу, тот в двух шагах занимался тем же.

– Нету.

– Ну, иди тогда, не мешай, вам там нальют.

– Прощай, Саш.

Он не ответил. За цепью охраны стало свободней. Кое-где возвышались трибуны, с них орали в мегафон:

– Проходите на великий аттракцион! Единственный раз, только здесь и у нас! Нигде в мире! Не бойтесь! Не бойтесь!..

С других подмостков, всем желающим наливали водку в пластмассовые стаканчики. Тем, кто не пил, но желал успокоиться, специальные дяди в костюмах и бейджиками на груди «психолог», читали короткие лекции.

– Точно ничего страшного не будет? Скажите, прошу вас.

Бабка с малышом на руках умоляюще смотрела на дядьку, психолог гладил ребенка по голове.

– Все хорошо, родные мои.

– Ну, хоть примерно скажите, что будет, а?

На мгновение физиономия психолога исказилась злобой, но он быстро пришел в себя.

– Если что, закроете девочке глаза.

– Внимание!!! Внимание!!!

Это раздалось из мощного динамика откуда-то.

– Атеншн, атеншн плиззз!!! Ахтунг, ахтунг!!! Внимание!!! До начала великого, неповторимого действия!!! Две минуты-ы-ы!!!

– Просьба организовать тишину! Соблюдать спокойствие! Итак! Внимание на небо!

Прожекторы застыли лучами вверх, мы все пялились в звездный туман, сзади напирали вновь прибывающие, тишину не удавалось организовать, да и спокойствие тоже. И тут я заметила, что не вижу купола Казанского собора, улицы Герцена, вообще ничего.

– А где Казанский собор?!

Тетка такая:

– Вы, что с Луны свалились? Его же специально снесли, ради аттракциона! И все дома вдоль Невы на три километра. Странная вы девушка...

Я:

– У меня подруга там живет!

– Ну и что. Я тоже там жила, и мне дали квартиру...

Вдруг кто-то заорал:

– Смотрите! Слышите?!!

Ритка бросила блокнот на пол, зажмурилась и зажала уши, будто истеричная двоечница у школьной доски, выплевывая заученный текст.

– Рев! Падающей авиационной бомбы! Приближался с бешеной скоростью! Визжащий, со скрежетом и лязгом, травмируя насмерть психику и дефлорируя барабанные перепонки! И из черного тумана вывалился, движущий по кругу в десятке метров над океаном людишек, ошпаривая своим свистом, и прижимая все живое к земле неизвестной величиной из раздела физики, огромный человеческой хуй!!! А-а-а-а-а! А-а-а-а-а! И спокойный, глубокий, как Марианская впадина, голос изрек:

– Вот вам, бляди... ха-ха-ха.

Она прижалась лицом к моему плечу, я ржал на всю деревню.

– Он не падал, двигался, как часовая стрелка, вот так вот.

И показала рукой:

– Вжжж, знаешь, как страшно было.

Я отдышался, говорю:

– Мне больше вратарская будка понравилась. По новым правилам...

– Я всегда сны записывала, на чем придется, что под рукой было, потом блокнотиков накупила.

– Зачем?

– Однажды, я проснулась и мне не встать, лежу и реву, потому что не могу ничего вспомнить. Сон невероятной красоты, хотелось обратно и никогда оттуда не возвращаться. Будто я прожила долгую, счастливую жизнь, и ничего не помню. Все ждала повторения или продолжения, дура...

– Интересно.

– Все не так просто. Надо не спать сутки, двое, сколько выдержишь.

– Разве, это возможно?

– Есть средства, таблетки, например. Меня друг один угощал. Он умер уже, старенький был. Во сне и умер. Я так мечтала снова... даже не увидеть, быть там. Слово нужное не могу найти.

– Надо попробовать.

– Не надо, поверь. Чудища мерещатся, видишь невидимое. Кукундель съедет, это же потом не лечится.

– Слушай, я никогда не спрашивал – с кем ты живешь? Ведь кто-то за тебя волнуется, переживает.

– Танька Шитик! Мы с ней давно. Моих предков родительских прав лишили, меня в инкубатор, там с ней и подружились. У нее все умерли папа и мама. Я своих даже не помню, столько лет прошло, может, и они на том свете.

– Я сначала думал ты бежишь от кого-то.

– Бегу, только не знаю от кого. Я давно не понимаю, что со мной происходит...

Что бы совсем не одичать катались на электричке, мне нравилось смотреть, как чужие ауры трутся о ее биополе, как она разглядывает чепуху, которую предлагают вагонные барыги, слушает гармошку, как жизнь трассирующими залпами летит за окном поезда. Будто слепые боялись отпустить друг друга на незнакомых перекрестках, в очередях магазинов.

Прошло две недели, отпуск заканчивался.

– Как жить дальше будем? Мне скоро на работу, два дня там, два здесь.

– Как скажешь, так и будем.

– Поехали завтра ко мне в город, надо летние шмотки привезти и стирки вон, целая сумка. В ванной помоемся.

...Я ее не узнаю, идет по проспекту, сшибая локтями прохожих, так ходят большие и толстые люди. Мы были у меня на работе, мне дали конверт, зарплата за прошлый месяц. Вечером смотрели телевизор, я соскучился даже по рекламе.

Очень рано утром разбудила машина, окно комнаты во двор, форточка настежь, батареи еще лупят теплом. Громко хлопнули двери автомобиля. Рита вскочила, бросилась одеваться почему-то в мои вещи. Как-то нелепо и странно у нее получалось. Я замер. Человека нельзя будить в лунатическом его припадке, нельзя кричать и звать по имени. Она справилась с одеждой, вышла на кухню, вернулась. Потом стала говорить:

– ...Чего тебе надо, сука? Пошла ты к такой-то маме... скорняк твой – мифический. И вчера поздно звонила, я говорил после полуночи не звонить, предупреждал? Опять звонит, скажи ей, выпросила денег на скорняка, тот ей шубу шьет, деньги все пробухала... вчера звонит ночью – говорит, скорняк еще за работу просит... пошла нахуй со скорняком своим!

Ходила по квартире, нашла дверь. Ее шаги по каменным ступеням...

Я в шкаф, кое-как напялил на себя, что смог быстро найти, и выбежал следом.

Она шла, часто оглядываясь, но меня не видела. Не, она смотрела в мою сторону, но не видела. Пришли на вокзал, я купил два билета. Первая, самая ранняя, электричка, почти пустая, я сел так, что бы быть мгновенно рядом. Рита молчала, смотрела в окно, может, спала. За окнами мелькало фиолетовое утро, я часто уходил курить в тамбур.

Нет, не спала. Бодро встала на нашей станции, вышли. Во дворе она почему-то остановилась возле фундамента старого дома. Я открыл ключом дверь и спрятался. Слышу, чего-то упало и разбилось в комнате, хрустнула кровать...

Ничего не хочу знать, и ничего тебе не скажу, вдруг это тебя напугает, и ты исчезнешь, как и появилась. А как же я? И бесконечное желание ловить лучи твоих глаз, не оборачиваясь знать, что ты всегда рядом...

Пролетели последние счастливые дни. Договорились – она будет меня ждать здесь два дня, пока я на работе. Есть много книжек, еще оставляю планшет, телефонный номер записал на листочке, будет звонить каждый час, если захочет.

Приехали в город в гипермаркет рядом с вокзалом закупить еды. «Магнит» осточертел, да и просто прогуляться.

Рита потерялась, огромный магазин, море воротников, капюшонов. Какая-то возня у камер хранения, все смотрят туда, быстрыми шагами идет охранник. Вижу там далеко, какой-то мужик валяется на полу, ему больно. Ритка бежит к эскалатору, люди от нее шарахаются. Крикнул, не слышит.

Поднялся на платформу, электричка через пять минут. Так и думал – сидит на скамеечке, руки в карманах...

Это была не она. Я опустил пакеты на асфальт, стало страшно. Совсем другой, незнакомый человек сидел в ее одежде.

– Рита...

Она обернулась, половина лица чужие, но лишь на мгновение, улыбка навела симметрию. Она бросилась ко мне, я чуть не заплакал.

– Не пугай больше, ладно?

– Я так хочу жить!

– Что ты говоришь?

Эти слова мы уже орали друг другу – поезд верещал тормозами, скрипел колесами.

Я услышал это еще раз ночью, почти сквозь сон:

– Я так хочу жить...

Сумерки последнего дня, завтра рано утром на работу. Сегодня я уеду, как не хочется, даже с кровати лень вставать.

Риты нет, вижу ее в окно. Перепрыгнул через канаву, пошел к ней, спотыкаясь о кочки. Она сидела на засохшей, прошлогодней траве прислонившись к березе, с кем-то разговаривала по телефону. Я остановился. Только шум леса и скрип берез, и ветер на ладонях несет мне ее голос...

Говорила только Рита, ее не перебивали, где-то там далеко, внимательно слушали:

– ...Гимназиста Мазай привел, там были еще Мики и Ян. Денег он хапнул, не мог же все пропить, и заработать хочет. Кстати, Гимназист все и рассказал – сумку с деньгами мусора забрали, меня в "кресты" на две недели, так надо было. А майора этого утром в парадной теле-скопом по тыкве и в багажник. Вечером к Челентано, дом у него в Ковалево, пришлось собаку пристрелить хороший такой бультерьер, был... Жену с детьми в ванну, хозяин приехал. Когда проморгался, начал пальцами махать, именами закидывать, Мазай его хуяк бивнями об пол, потащили на улицу, багажник открыли, Челентано глаза надул – не верит, крыша его в жабьей робе с погонами еле дышит. Ха! Повезли их в лес, Мики с Яном мента ножами затыкали и в землю. Челентано обосрался, короче, отдал он свой "гранд чероки" и двадцать тысяч бумаги. Майор этот Геру взял на Удельной при передаче денег, гандон, кароче...

Я не стал дальше слушать, убежал в дом. Сидел и смотрел в окно, она не шевелилась, не меняла руку. Смачно чавкал старый будильник, толстая часовая стрелка уткнулась в цифру шесть. Я проверил по карманам все ли взял и пошел на станцию.

Работа разбила в дребезги: акция, распродажа, грандиозные скидки, весь магазин в желтых ценниках. Блевань блеет – по акции, по акции, прет и прет. Картофель – шесть рублей! Кура – пятьдесят за килограмм, сахарный песок – двадцать пять, и так далее. Не успеваю вывалить, мешок рвут в клочья, картошка по полу, клешни со всех сторон, сверкает золото, парики набок.

– Молодой человек, молодой человек...

Машины ждут на эстакаде, не успеваем.

– Несите еще! Еще! Мало, мало, нам не хватило!

Два дня мелькнули, как вспышка. Устал безумно, утром поднимался с кровати, держась за стенку. Надо ехать.

Дверь была открыта, рюкзак на кровати, кожаная куртка, еда не тронута, та же геометрия вещей, предметов. Я обошел дом, никаких следов ее маленьких ног у калитки и вообще нигде...

Проклятая жара, пустые улицы, тишина в магазине, над крышами дрожащее марево зноя. Мы с напарником на дне колодца в тени козырька эстакады, я валяюсь на спрессованном картоне, он сидит на ступеньках и объясняет мне «основы и принципы». С тоской гляжу на проспект, кажется, вот-вот, еще мгновение и она появится, просто выйдет из-за угла. Пропала, исчезла, оставила вещи и ушла. Куда? Если бы я знал, был бы я сейчас похож на свое отражение? Весь обед улетел в унитаз, едва успел добежать, мне плохо, я никогда так не пил раньше.

Выходные пролетали незаметно, на улицу выходил рано утром, до начала солнечного безумия. Никуда не ездил, там записка на столе с моим номером, не звонит, значит, я пока не нужен. Да и здесь приятнее в каменном кулаке квартиры, а в деревне и спрятаться негде, а еще электричка набитая потными тушами.

Раскладываю ее вещи на кровати, все, что осталось в рюкзаке. Несколько авторучек, зарядка для телефона и ключ с брелком от машины. Она никогда не говорила про машину...

– Рита!!!

Я приехал на дачу, калитка была настежь и дверь тоже.

– Здравствуйте.

Вышел мужик лет пятидесяти, высокий и крепкий. Нарядная рубашка, штаны от костюма, дорогие ботинки. Хозяева сдали дом, и почему-то не позвонили. На миг представил, как мне тащить все барахло домой – посуда, печка, подушки еще до хрена всего. Но мужчина успокоил:

– Я сейчас уеду.

Кожаная куртка так и висела на гвозде шапочка в кармане, ботинки размером с ладонь под сервантом.

– Ключ нашел под ведром. Извиняюсь.

– Вы кто?

– Жил здесь когда-то, дом еще вот тут стоял.

Он показал на фундамент.

– Соседи некоторые еще живы, надо же. Я вчера приехал, ночевал, думал, раз никого нет. Ты хозяин?

– Нет. Снимаю.

– Бабушку в девяносто пятом последний раз видел, на следующий год она ушла, а я уже за границей жил. Вот столько лет не был. Дом сгорел в двухтысячном, кто-то участок купил, соседи сказали...

Я был уверен, что он не врет. Говорил с очень легким акцентом, как прибалт. Напоминал сериального милиционера.

– Ладно, прошу прощения. До свидания.

– До свидания.

Он ушел. В доме запах еды, дорогого парфюма. На столе листочек с моим номером телефона, наверняка, дядя сфоткал его на память. Плевать. А Риты не было.

Чем дальше ее не было, тем больше я сходил с ума. Стала сниться, говорят, значит, человек, думает о тебе. Окрыленный я вглядывался в мельтешащую перед глазами блевань. Бес-

конечные рифмы, совпадения, вижу ее у метро, в очереди на маршрутку – слепые призраки ожидания.

Первые желтые листья несет с Юсуповского сада. В городе стало больше узбеков, приходили к нам каждый день, молодые спрашивали – вакансии есть? Старые говорили – работа. Шли дальше, магазинов много.

Я уже собирался домой, переодевался, слышу, кричат мое имя. Одна из наших баб орет – к тебе! Рядом с холодильниками стоял этот мужик, иностранец. Поздоровались за руку.

– Что вам надо? – говорю.

– Братан, а Рита, Рита Чернова жила с тобой?

Так и знал. И как он нашел меня?

– Жила, потом ушла.

– Я родственник. Кстати, Глеб.

Он протянул руку, я назвал свое имя.

– Номер ее помнишь?

– Не было у нее ничего, я и фамилию вот только что узнал.

Я разглядывал его профиль, что-то есть, что-то едва уловимое, как у Риты. Мы вышли на улицу. Есть такие люди – давят харизмой, все выложишь. Я рассказал, как мы с Ритой встретились, как уехал на работу, а она пропала.

– Ты когда домой?

– Все уже, иду.

– Пошли нормального пива выпьем.

– Я устал.

Он меня не слушал.

– Смотри, как чудесно!

Это была терраса ресторана, который рядом с нашим магазином, стилизована под Мюнхенские пивные.

– Здесь дорого.

– Угощаю!

Говорил только он, о том, как «все изменилось», и что не видел этих улиц почти тридцать лет.

– Вот здесь был первый «панасоник», ларьки ночные на углу...

Я заметил, что один глаз у него, как мертвый, зрачок не шевелился, смотрел только прямо.

– Глаз стеклянный, в машине сидел, подошли сзади, шмальнули в затылок. Три дня в коме, тоннель видел.

Я поддакивал, сам думал, какой пиздец эти террасы. Дышать выхлопным газом, люди туда-сюда на расстоянии вытянутой ладони, в кружки заглядывают. Надо скорее налакаться...

И я налакался, рассказывал про нашу с Ритой весну, как познакомились, жили, и как все быстро кончилось. Мне показалось, что этот родственник меня совсем не слушал. Смотрел куда-то вдаль по проспекту.

В самом ресторане очень вкусно пахло, посетители говорили только на английском. Нашел туалет, сел на унитаз, не снимая штанов, достал телефон...

Когда вернулся, наш столик был пуст, даже посуду убрали. Глеб догнал у самой парадной, я обернулся на топот. Он упал, и схватил меня за ногу, и заорал мое имя!

Я второй ногой освободился от объятий

– Ебаный ты ж дурак!

Нырнул в парадную, бегом по лестнице к себе на этаж!

Нашел в интернете, и первый раз в жизни записал себе номер телефона отдела полиции.

Он появился еще раз через несколько дней, и это было удивительно. Мы шли навстречу друг другу, на пешеходном переходе, вот-вот нас столкнет толпа. Я сжал в руке телефон, приготовился. Он не узнал, хоть и клюнул взглядом, как обычного встречного пешехода. Прошел мимо, я подумал, наверное, ему стыдно. Прошаю, только исчезни навсегда, пожалуйста. И как он похож на Риту, такая же презрительно-усталая полуулыбка...

Однажды грянул гром очень сильно с треском, все небо стало черным. Забегали людишки, толкотня в дверях магазинов, под козырьками остановок спрессованные брикеты человеческих туловищ.

Я успел домой. И услышал шум, непривычные в этих стенах, звуки. Это на полу у кровати жужжал и шевелился мой телефон. Я ушел гулять и забыл его.

– Але...

– Привет!

– Привет...

С грохотом лопнула туча на небе.

– Чего молчишь? – смеется.

Да, чего молчу? Слова заготовлены, речь миллион раз отрепетирована, конкретные фразы вырублены в памяти, как раз на такой вот случай.

– Ладно, встретимся – поговорим. Мои вещи у тебя? Ты дома? Я на Жуковского, где театр. Как раз поможешь. Буду прятаться где-нибудь здесь, дождик не вовремя...

Слышу – шум колес автомобилей по лужам, хрустнул зонтик.

– Все, пока! Жду тебя!

Ага. Вот специально буду тупить. Полежу минут пять и пойду. Хотя ждет ведь, а я сколько ждал. Как-то внезапно все, что вот я сейчас ей скажу, все забыл, все вопросы и ответы...

Чуть не уснул, прошло полчаса, может, больше, на мой звонок не ответила. И я выбежал под грохочущий ливень.

Вот этот перекресток, где она? Дождь разогнал всех с улиц, прошел вдоль витрин и обратно. Набирал ее номер раз пятнадцать. Теплая вода щекотала ноги, вода везде: в кроссовках, карманах, все прилипло к телу, будто упал в бассейн. Вижу – маленький человек в куртке с капюшоном сидит на корточках, поднял что-то с асфальта. И машина полицейская разворачивается...

– Это надо быть таким уродом!

Девчонка тоже вся насквозь мокрая, стала радостно объяснять:

– Тойота бешенная выскочила, она дорогу переходила, вот здесь! Протащило под колесами до того люка! Кошмар! Совсем молодая, ждала кого-то, на троллейбус не садилась...

– Что?! Что ты говоришь, дура?

– Я все видела!

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, дождь барабанил у нее на плечах, на щеках вензеля мокрых волос.

– Пошла ты...

Я перебежал дорогу, еще раз обошел перекресток, никто меня не встречал, не бежал навстречу.

Кафе "Атлантида" все столы заняты, сидели даже на подоконнике. Возле стойки свободная табуретка. Попросил водки, вытер телефон салфеткой, входящие вызовы... Гудок.

– Посмотри: я улыбнулась.

Слышишь ли: вздохнула я...

Так опять ко мне вернулась

Жизнь веселая моя.

Какого хрена? Музыка, смех, говор, но я слышу свой голос! Где?

– Я всегда к тебе спешила,

Столько спутала дорог!..
Не забудь сестрички милой
Имя нежное – Суок!

Ария куклы наследника Тутти из «Трех толстяков». Тогда весной, я читал ей сказки, она записывал на диктофон, говорила, так будет легче ждать меня. У нас была целая тумбочка забытых кем-то книжек.

Сигнал прервали, короткие гудки, мелькнул в дверях капюшон. Та с остановки! Расталкивая людей, выскочил на улицу, через секунду мы упали в лужу, я сжал ей горло.

– Сюда! Быстро!

Она разжала кулак, я выдернул Риткин телефон чуть ли не с пальцами. Захныкала:

– Он все равно ей больше не нужен...

– Пошла вон!

И я остался один под водопадом дождя, еще раз обернулся на перекресток, и побежал. Когда устал, пошел пешком, вдыхая в себя осадки, чуть не захлебнулся, когда закричал, понял, что плачу. Задыхаюсь слезами...

Осень пришла в свои дни. Я стал замерзать на работе. Вечером ванна с горячей водой и ее телефон в мьльнице. Лучше всего это слушать здесь в маленькой ванной комнате, весомее акустический эффект. Будто голограмма появляются люди, дома нереального города, непонятного времени...

– ...Контейнеры двадцать футов, автохимия, про них Эдик знал, целый корабль из Востока, все растаможено, надо брать. Эдик хозяйственник, корова наша дойная, у него точки везде на Фучика, Энергетиков, в Автово. Нам его "тамбовские" младшие отдали за массовку, когда Шпагата ебнули. Вообще-то хозяин папаша был, но занимался всем Эд, вот он и бесился. Папу его многие знали, рожа как у Челентано, мы так его и звали. Короче слил он нам его. И еще этот Гимназист нарисовался, очень вовремя. Мазай сказал, хватит с топором по улицам бегать, пора на хозрасчет. А никто и не против, только двадцарика было мало, контейнеры дорогие. Валя Гимназист мужик лет сорок, шрам на виске, всегда в розовом спортивном костюме, вечно орал – какие люди! какие люди! Все ошивался по мужским раздевалкам, сам не качался, хули – алкаш. Мы тогда сидели в сауне, приперлись Мазай, Ян и Валек. Маза все ему и выложил про эти контейнеры. Денег он сразу не дал, выебал все мозги Эдику, бабе директору "Экватора", это фирма владелец груза... Бухал за наш счет, ха!.. обнимал за плечи, подарил Мики старую кобуру под зажигалку. Среда была, как сейчас помню, приехали в порт. Валек хотел чиста посмотреть, а чего там смотреть, шаланда с прицепом за четыре ходки все сделает, к вечеру приезжай на базу, смотри. Но оказалось все в масть, Гимназист сам шел навстречу... У проходной народу до фига, все машинами заставлено. Мы припарковались неподалеку, там, где гаражи, тропинки между ними, все зассано, бутылки, собаки бегают. Ха!.. ага собаки, бутылки бегают. Мне так все казалось в башке форшмак, руки трясутся. Кароче, Ян говорит – надо отлить, не доеду. Ушел. Сидим, ждем. Вдруг слышим – ебать! Ни хуя! Идите сюда! Ну, мы все бросились в ущелье между контейнерами. Валентин впереди меня, темно, вонь несусветная, я перчатки натянул, что бы пальцы себе не отрезать. Стопка кирпичей как раз в тему, я правой ногой на нее, сразу выше Валька. Хоп и леску ему на шею. Спиной к спине, как Мазай учил, и на колено. Упали, тяжелый пиздец, сильный. Ян ему ноги держит, Мики правую руку, лягается, грохот неимоверный. Как люди жить-то хотят на самом деле, это не кино. Затих падла, рожа синяя, язык лопатой. Машину подогнали, в багажник и в лес. Хотели сначала его на Энергете завалить, там много укромных мест, но, что вышло, то вышло... Была моя очередь, Мики майора пошинковал, все честно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.